

Содержание

<i>От издателя</i>	8
--------------------------	---

Начало пути

Коротких путей не бывает.....	13
-------------------------------	----

Нью-Йорк

Физиономия в зеркале.....	37
Неверный свет города.....	71
Куски моего «я».....	107
Память воды.....	142
В объятиях Паучихи.....	172

Индия

Возвращение к истокам.....	193
Свет в ладонях.....	209
Травы с характером.....	226
Последовавший тем же путем.....	246
Сила молитвы.....	258

Таиланд

Остров здоровья.....	283
День первый.....	289
День второй.....	293
День третий.....	296
День четвертый.....	299
День пятый.....	304
День шестой.....	308
День седьмой.....	310
День восьмой.....	313
На следующий день.....	315
До последнего вздоха.....	317

Соединенные Штаты

Терра инкогнита.....	337
Концерт для клеток.....	374

Гонконг

В царстве грибов.....	397
-----------------------	-----

Индия

Безымянный.....	425
Театр, который лечит.....	474
Чудо для меня одного.....	510
Врач для здоровых.....	542

Филиппины

Исцеленные магией.....	579
------------------------	-----

Гималаи

Ртутная пыль.....	623
Голос флейты в тумане.....	639
А как же чаша воды?..	681

Возвращение домой

В облаках.....	711
----------------	-----

От издателя

Летом 2013 года я в небольшой компании, ведомой опытным путешественником Сергеем Вертеловым, оказался в Королевстве Мустанг. Это осколок настоящего Тибета, затерявшийся в горах Непала. Там нет дорог, а столица, Ло-Мантанг, находится на высоте 3800 метров. Туристов в королевстве практически не бывает. Но тех, которые все же добираются, ждет зачастую королевский прием. Причем в прямом смысле — встреча с королем и королевой Мустанга. Из иностранцев в Ло-Мантанге мы встретили только группу итальянских кинодокументалистов, и как-то вечером мы с ними разговорились. В процессе этого разговора Антон, один из членов нашей группы, рассказал, что во многом привела его в горы Непала книга, написанная итальянцем и посвященная путешествиям в поисках волшебного лекарства и смысла жизни. Кроме того, она стала его самой любимой книгой. Итальянец спросил: а что за книга? Антон

ответил: «“Еще один круг на карусели” Тициано Терцани». «Так это же мой отец», — сказал итальянец...

Эта история застряла где-то у меня глубоко в голове, но в то время ни к чему не привела. Уже потом, через много лет, находясь в процессе экзистенциальных размышлений, я вспомнил про эту историю и книгу. Тираж был давно распродан, и я с трудом купил экземпляр на «Авито». Прочитав ее, я подумал: это прекрасно написанная, добрая и мудрая книга, и она заслуживает переиздания. Думаю, что именно ее новое издание на русском языке становится настоящим завершением истории, начавшейся в далеком 2013 году. Теперь эта история, возможно, продолжится с вами, новыми читателями.

АЛЕКСЕЙ ИЛЬИН
Основатель и CEO
издательской группы «Альпина»

Начало пути

Коротких путей не бывает

Как известно, такое случается только с другими — с кем угодно, но не с нами. Вот и я всегда так думал. Поэтому, когда это все-таки случилось со мной, я не был к этому готов; поначалу мне показалось, что речь идет о ком-то другом. «Синьор Терцани, у вас рак», — сказал врач, но обращался при этом как бы не ко мне, и я тут же с удивлением понял, что действительно ничего не чувствую — ни потрясения, ни отчаяния. Происходящее словно меня не касалось.

Возможно, это безразличие было просто инстинктивной формой защиты, способом сохранить самообладание. Представьте, оно мне помогло, это безразличие. Всегда полезно посмотреть на себя со стороны. Если как следует потренироваться, этому можно научиться.

Следующая ночь в больнице прошла в размышлениях. Я представил себе, сколько людей до меня слышали здесь подобную новость; их незримое присутствие меня несколько приободрило — теперь было не так одиноко. Происходило это в Болонье. Сюда меня привела цепочка событий, каждое из которых было вроде бы пустяковым, но совокупность их, как это часто случается в жизни, оказалась для меня роковой. Непрекращающаяся диарея — еще с самой Калькутты; несколько обследований в Парижском институте Пастера, поиски причин непонятной анемии, беско-

нечные анализы. Наконец один прозорливый итальянский врач ввел в меня свой странный инструмент, нечто вроде резиновой змеи с пылающим оком, чтобы она заглянула во все закутки моего тела. Стоило змее очутиться у меня внутри, как врач, специалист с опытом, обнаружил своего старого знакомого.

Я был благодарен врачу за прямоту. Теперь у меня появились веские причины для подведения итогов; самое время определить свои приоритеты и спокойно принять необходимые решения. Мне вот-вот должно было исполниться 59; захотелось, подобно путнику, забравшемуся на горную вершину, оглядеться по сторонам, чтобы с удовлетворением оценить проделанный путь. Какой была моя прежняя жизнь? Да просто чудесной! Приключение за приключением, большая любовь, никаких сожалений, никаких незавершенных дел. Если бы в юности, отправляясь в этот путь, я наметил себе цель, к которой стремятся многие, — посадить дерево, вырастить сына и написать стихотворение, — можно было бы теперь признать, что в общих чертах она мною достигнута. Причем получилось это само собой, без особых усилий, почти играючи.

В ту ночь в больнице, в тишине, нарушаемой лишь шуршанием машин по мокрому асфальту да шагами сестер в коридоре, в сознании возник образ, который не покидает меня до сих пор. Мне представилось, что вся моя жизнь была катанием на карусели: я кружился в свое удовольствие на белой лошадке, и никто (только сейчас я это понял), никто ни разу не потребовал предъявить билет. А ведь его, билета, у меня и не было. Всю жизнь катался задаром. И вот пришел контролер, придется платить... но кто знает — если очень повезет, может, мне удастся сделать на карусели еще один круг.

Новый день начался как обычно. Ничто вокруг не изменилось; мир и знать не знал о бурях, которые бушевали у меня в голове. В Поретта-Терме, где я должен был пере-

сесть на поезд до Праккьи, чтобы оттуда добраться до Орсиньи, я даже вспомнил, что пора забрать из прачечной белье. Дома меня ждала Анджела; я предложил ей прогуляться по лесу. После 40 лет, прожитых вместе, нам с ней легко и говорить, и молчать. Я пообещал ей, что постараюсь выстоять. Признаться, я немного расклеился — в первый и единственный раз с тех пор, как узнал о диагнозе.

Надо было без промедлений решать, что делать дальше. Моим первым инстинктивным желанием, как у раненого зверя, было забиться в нору. Я решил ничего не сообщать никому, кроме детей и тех друзей, которым мое исчезновение могло показаться необъяснимым. Нужно было разобраться со своими мыслями, и я не хотел, чтобы меня отвлекали.

Сперва следовало выбрать, где и, главное, как лечиться. Химиотерапия, облучение, хирургическая операция... Я слышал о разрушительных последствиях такого рода лечения, которое больше не считают, как прежде, единственным выходом. В наши дни, когда принято все подвергать сомнению, когда официально признанное утратило прежний авторитет и любой считает себя вправе судить обо всем и обо всех, стало модным осуждать классическую медицину и нахваливать медицину альтернативную.

У этой самой альтернативной медицины много имен, одно привлекательнее другого: аюрведа, пранотерапия, иглоукалывание, йога, гомеопатия, китайские травы, рэйки. В конце концов, есть же еще и целители — филиппинские и всякие прочие. Всегда найдется человек, готовый пересказать какой-нибудь «случай из жизни». Они все такие красочные, эти истории, — как тут не поверить в чудесное исцеление! Только я и не думал принимать их всерьез.

С другой стороны, многие из этих практик пришли к нам из Азии, где я прожил 30 лет, а некоторые уходят корнями в Индию, где теперь у меня дом. Я и сам в прошлом обращался за помощью к восточным цели-

телям. В Китае доверил своего 11-летнего сына Фолько тамошнему специалисту по иглоукалыванию, и тот избавил его от астмы. А всего год назад я сам отвез моего французского друга Леопольда в Дхарамсалу, к личному врачу Далай-ламы. Тот нащупал у него пульс «в семнадцати точках» и прописал черные пилюли от гепатита, похожие на овечий помет (и, как оказалось, в высшей степени эффективные). Кроме того, я сам неоднократно писал и говорил, что западный человек, устремившись вперед по автострате науки, слишком быстро забыл о тропах древней мудрости и сейчас, навязывая Азии свой жизненный уклад, рискует погубить огромный пласт знаний, связанный с местными традициями.

И этого мнения я не изменил. Но когда речь зашла о моем собственном выживании, без колебаний решил довериться привычному — науке, западному «рацио». Альтернативная медицина нетороплива; эффект от лечения наступает не сразу, и, чтобы дожидаться результата, нужно время, а его у меня в запасе было немного. Но причина была не только в этом. Просто в глубине души я этой самой альтернативной медицине не вполне доверял. А без веры в выздоровление в таком деле не обойтись.

Удача — неплохая штука; мне ее всегда доставалось побольше, чем полагается среднестатистическому человеку. Повезло и на этот раз. Среди моих коллег-журналистов, старых товарищей по работе в Азии, был корреспондент *The New York Times*, дважды награжденный Пулитцеровской премией. Нас с ним связывали давняя дружба и общий опыт. Его, как и меня, задержали в Китае и тоже выслали из страны; из всех возможных направлений журналистской работы он, как и я, неожиданно для всех выбрал Индию (не самое очевидное решение в плане карьерного роста). И еще одно совпадение: за пару лет до этого с ним случилась та же беда, что со мной теперь, — и он выжил. Я навестил его в Дели и попросил совета.

По словам моего знакомого, его, как он выразился, «ремонтировали» лучшие мастера своего дела. Я поверил ему. Звонок-другой по телефону, затем один факс — и вот спустя несколько дней я уже был в Нью-Йорке. Мое имя стояло 18-м в списке ожидавших нового экспериментального лечения на самом передовом рубеже современной западной медицины. Это заведение называлось Memorial Sloan-Kettering Cancer Center, сокращенно MSKCC, — когда выписываешь чек, рекомендуется использовать именно эту аббревиатуру, дабы не афишировать свое пребывание в Онкологическом центре даже перед собственным банком.

Когда вышла моя книга «Что сказал мне прорицатель» (*Un indovino mi disse*), многие расспрашивали о моих писательских планах. Я всегда отвечал, что книги как дети — мол, книгу сперва надо выносить, как женщина вынашивает дитя. И вообще, после долгих лет, проведенных на Востоке, самое время открыть для себя самый крайний Запад — то есть Соединенные Штаты. Неплохой предлог, чтобы получить передышку. Было объявлено, что я улечу в Америку, чтобы «зачать и выносить» новую книгу; обо мне на время забыли.

Мне повезло снять квартиру возле самого Центрального парка. Я слегка оживил серые стены разноцветными индонезийскими тканями, водрузил на подоконник бронзовую китайскую статуэтку Будды. Эти несколько квадратных метров стали на пару месяцев моим убежищем.

Никто, кроме Анджелы и сотрудников Центра, не знал, где я. Телефон не звонил, никто не стучался в дверь. Единственным окном в мир, которое я оставил открытым, была электронная почта — эти послания в бутылке, которые время от времени выносило волной на кибернетический берег моего компьютера, где бы я в тот миг ни находился. На мой взгляд, это лучший способ общения, деликатный и неназойливый, если не использовать его по пустякам, не сби-

ваться второпях на неряшливую скороговорку и оставлять себе на память распечатки хороших писем, чтобы всегда иметь удовольствие их перечитать.

Ситуация была идеальной. Именно об этом я и мечтал: целыми днями принадлежать самому себе, никаких срочных дел, никаких обязательств. Истинное блаженство — отпустить сознание на волю, не одергивать себя постоянно, не твердить себе, что пора бы заняться делом. После неперестанного грохота я наконец наслаждался тишиной. Годами я только и думал, что о войнах, революциях, наводнениях, землетрясениях, социальных катаклизмах в Азии. Я был страстным наблюдателем; меня завораживали человеческие жизни — жизни, подвергаемые опасности, жизни разрушенные или, еще чаще, сознательно прожигаемые — словом, чужие жизни. Теперь же я наблюдал за единственной жизнью, имеющей ко мне непосредственное отношение. За своей собственной.

А понаблюдать было за чем. После новых обследований, после всех этих дежурных реплик — «вот смотрите, тут у вас небольшое подозрительное пятно», «нужно пройти еще одно обследование», «приходите через неделю», «сожалею, но мне придется сообщить вам плохую новость...» — выяснилось, что у меня не одна опухоль, а целых три, причем каждая со специфическими свойствами и требующая своего, особого вида лечения. Я выбрал химиотерапию, операцию и облучение, ни секунды не раздумывая, правильно ли поступаю. Более того, с каждым днем во мне росла уверенность в том, что все идет как надо и выбранный мною вариант — наилучший.

Никогда еще я так остро не ощущал свою материальность, никогда мне не приходилось так пристально следить за собственным телом, учиться держать его в узде, быть ему хозяином, не позволять ему взять надо мной верх, как бы оно, тело, ни изводило меня болью, судорогами, приступами тошноты.

Я осознал, насколько в годы работы в еженедельнике мои биоритмы и настроение, вплоть до приступов хандры, определялись сроками сдачи материала. Суббота и воскресенье — дни блаженства: пусть себе рушится мир — номер уже ушел в печать, добавить нечего. Вялый, апатичный понедельник (следующий выпуск только планируется, спешить некуда); за ним — вторник и среда (пора браться за работу: обдумывать новый сюжет, набрасывать черновики); лихорадочный четверг — день сдачи статьи; осторожный выдох облегчения в пятницу. А там снова все по кругу, неделя за неделей: репортажи — то с фронта, то из какой-нибудь столицы, где произошел очередной государственный переворот; путевые заметки о стране, душу которой я пытался понять; история, позвавшая в дорогу. А теперь мои понедельники ничем не отличались от пятниц — ни взлетов, ни падений, дни текли за днями, похожие друг на друга, как капли воды, восхитительно одинаковые. И никто, никто больше ничего от меня не хотел.

У каждого времени года свои плоды, и мое журналистское «время года» свои уже принесло. Привычные ситуации, знакомые проблемы. Хуже всего было то, что я повторялся. Нынешние мои статьи были, по сути, отголоском написанного мною лет за 20 до этого. Кроме того, факты, те факты, за которыми я когда-то гонялся со страстью ищейки, уже не будоражили меня, как прежде. С годами я начал понимать, что за ними кроется нечто принадлежащее иному уровню реальности, — ухватить это «нечто» мне было не под силу. Кроме того, журналистика, особенно нынешняя, совершенно не интересуется подобными вещами. Продолжая заниматься своим ремеслом, я в лучшем случае смог бы бесконечно повторять самого себя. Болезнь предоставляла мне отличную возможность перестать повторяться.

И это еще не все. Постепенно я понял, что рак стал для меня убежищем, чем-то вроде щита, за которым я укрылся от натиска внешнего мира, от банальности повседневной

жизни, общественных обязательств, необходимости поддерживать беседу. Болезнь освободила от долга и вины. Наконец-то я был свободен, полностью свободен. Наверное, это прозвучит странно, но я был счастлив.

«Неужели, чтобы научиться радоваться жизни, нужно непременно заболеть такой болезнью?» — написал мне давний английский друг. Услышав о моем исчезновении, он тут же отправил мне электронное письмо, чтобы узнать, в чем дело, и мне пришлось поделиться с ним своей, назовем это так, «сенсационной новостью». «Да» — ответил я на его вопрос. Возможно, сейчас я переживаю хоть и не самый лучший, но, без сомнения, самый захватывающий период моего существования. По природе своей я странник. Вот и теперь рассматривал болезнь как очередное путешествие, в которое отправился не по своей воле, для которого не мог запастись географическими картами и к которому был совсем не готов. Но из всех моих странствий оно оказалось самым значительным, самым ярким и насыщенным, ведь все происходящее напрямую касалось меня. Ты здоров, и это отлично — насладись этим как следует, написал я своему английскому другу. Но если захочется приобрести любопытный опыт, попробуй всего один день вести себя так, будто у тебя рак, вообрази, что ты и вправду болен, и увидишь, как все вокруг предстанет в совершенно другом (возможно, истинном) свете.

В старину в Китае во многих домах было принято хранить приготовленные заранее гробы, чтобы не забывать о том, что все мы смертны; кое-кто даже ложился в такой гроб, когда нужно было принять какое-нибудь важное решение. Лежа в гробу, легче осознать, насколько все в мире тленно. Так почему бы не представить на мгновение, что ты болен и дни твои сочтены, — а они ведь и вправду сочтены, причем у каждого из нас! — чтобы осознать ценность каждого дня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru